

XXIX Economic Forum

Krynica Zdrój, Poland, 3-5 September 2019

Panel: "Will the World Order Turn into Global Chaos?"

Александр Неклесса*

председатель Комиссии по социокультурным проблемам глобализации,
 член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН,
 руководитель Группы «Север – Юг» ЦЦРИ ИАФРРАН; E-mail: neklessa@intelros.ru

ЖИВОЙ ОГОНЬ

Методологические и прогностические аспекты цивилизационной конкуренции

Мир – это живой огонь...

Гераклит

Забывая то, что позади, и устремляясь вперед, я спешу к цели.

Апостол Павел

История телеологична. Развитие социосистем не тождественно, но, по сути, аналогично генеральному эволюционному коду. Последовательное усложнение социокосмоса – следствие обращения и устремленности к предзаданному идеалу. Смысл процесса – становление личности и преображение человека, освоение и отторжение среды, преодоление физических ограничений и биосоциальных пределов, совокупно воплощая геном истории.

Изгибы летописания сопровождаются кризисами, обретающими со временем символический статус. Трагедия 11 сентября – событие, приведшее к объявлению крупнейшей державой войны необычному противнику: распределенному множеству террористических организаций, лишенных признаков государственности и не обладающих регулярными вооруженными силами – одно из свидетельств и тень происходящего переворота.

Состязание политий, обществ, укладов с несовпадающими, подчас химеричными принципами организации, реестрами ценностей и программами мироустройства опознается как эволюционный конфликт – видовая и цивилизационная конкуренция. Обитающие на планете персонажи используют разные алгоритмы развития, вопрос в том, какие оказываются доминантными. В человеческой вселенной применяются стратегии: личного успеха («викария из Брея»), корпоративные («красной королевы»), социокультурные («полифонического резонанса»), ценностные («стратегия черепахи»), а также их изменчивые в пропорциях сочетания.

* Alive Fire. Global Transformation & Social Mentality © Alexander Neklessa, 2019

Данный список не является исчерпывающим. Не исключен выбор – личностями, сообществами, государствами, подспудной либо явной версии «культуры смерти»: суммы практик разрушения цивилизации и самоуничтожения.

Путь волхвов

Исторические зигзаги и перевороты предваряются революцией сознания: трансформацией картины мира, социальной ментальности, методов познания и действия с последующей коррекцией практики и образа жизни.

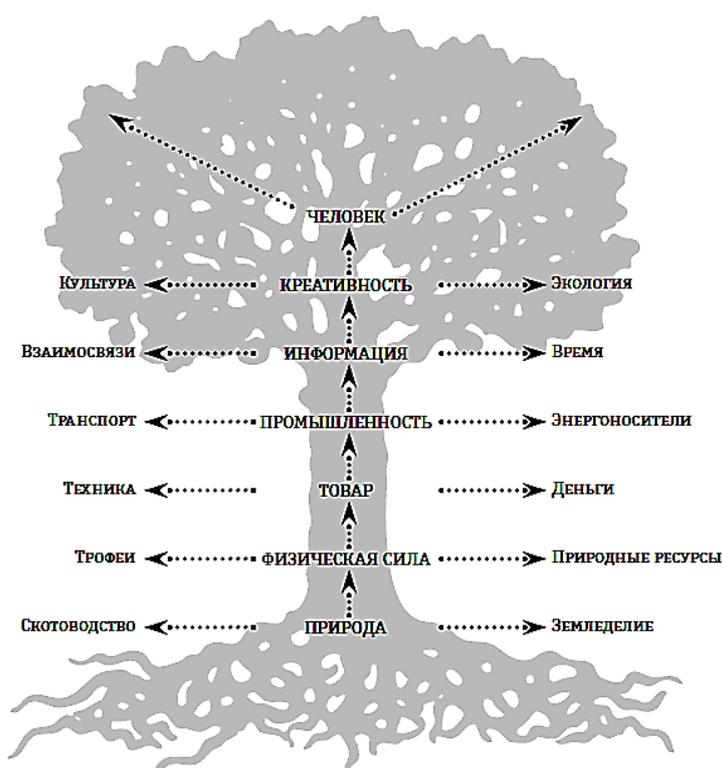
Когнитивные события определяют и аранжируют историческую ситуацию. В свое время сомнения парижского епископата (Этьен Тампье) в способности человеческого ума познавать при помощи аристотелевой логики основы бытия заложили фундамент новоевропейской науки. Приоритет в вынесении вердикта был, фактически, отдан свободному от игр разума арбитру – свидетельству созданной нечеловеческим актом и потому не ограниченной рамками людской ментальности «Книги природы» (т.е. эксперименту). Плоды подобного испытания творения оказались эффективным средством опознания конструктов и гармоник мироустройства (и в этом особенном качестве – свежим, но не вполне осознанным побегом теологии). «Новая физика» как инструментальное декодирование естественных законов, в своей глубинной сути – попытка прочесть запечатленный в творении язык и тем самым отчасти постигнуть логику Творца, а не просто стройная комбинация разумных предположений (гипотез). Следствием коррекции режима знания стало представление о невообразимой сложности мира и техническая мощь современной цивилизации.

Секулярность – этот отличительный признак современности, также возникает как проекция иудео-христианской концепции бытия. Признание естественности высокого достоинства человека, наделенного Творцом неотчуждаемыми правами, «к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью» (Томас Джефферсон), его способности к выбору, созиданию и обновлению, перемалывает многие препоны, воплощаясь в психологическом самоопределении, индивидуальной ответственности, политических правах. Происходит «расколдовывание мира» (Макс Вебер), сопровождаемое деконструкцией религиозного традиционализма. Процесс декларируется как преодоление «совершеннолетним человеком» в «повзрослевшем мире» мифологических отождествлений и традиционалистских подчинений, «самоосвобождение от пут, привязывающих человека к прошлому, к природе, клану и идолам» (Эрих Фромм). Утверждаются постулаты интеллектуальной и экзистенциальной самоидентификации, веротерпимости, толерантности. Общество обретает право на суверенитет, отделяя приватное и социальное от тотальности многовекового синкретизиса. Политические и юридические гарантии свободы выбора, волеизъявления и его манифестаций суть следствия подобного модуса.

Установления, порожденные христианской мыслью и культурой, со временем осознаются в своей вселенской моральной и новаторской сущности, выходят за пределы религиозной оболочки и, переосмысленные под грузом открывшихся обстоятельств возвращаются в социальные пространства, подвергая их ревизии и витализируя. Возникают атакующие мир концепции «безрелигиозного христианства» (Дитрих Бонхёффер), «политического богословия» (Йоханнес Метц), «нетеистического теизма» (Доротейя Зёлле). Поиск истины, соединяясь с обретенным опытом, устремляется к универсальной связности: горизонты и маршруты постсекулярности сопряжены с

усложнением карт мира, его запутанной морфологией, нелинейной динамикой, регенерацией живой целостности – когеренцией бытия, личности и познания, предполагая способность нового человека (*homo modernus*) удерживать синергию и выдерживать это великое объединение.

Путеводная звезда истории, камертон иного – предписанный, но не сыгранный сценарий: реальность выше рациональности, а исполнение прописей вполне произвольно, подчас травматично и рекуррентно. Истина прозревается, правда же зависит от позиции и намерений наблюдателя, содержание событий тесно связано с их восприятием и толкованием. Персональный кризис расчленяет коллективный сюжет, происходит «разжатие бытия» (Жан Поль Сартр), диссипация представлений и установок. Творческая реализация и личностная эмансипация, созидательные и разрушительные, влекомые как высотными границами, так и глубинными инстинктами, ложными перспективами, состязаются с рецидивами массового общества, консьюмеризмом и политическим популизмом.

Индустриальный конструктивизм современности сменяется личностным органицизмом новой эпохи, трансцендируя формально-логические, позитивистские интерпретации природы вещей и течения событий, отменяя поглощение особенного общим, усечение несжимаемого, экономия на не вещественном, списывание невидимого, игнорирование артефактов и сегрегацию апорий. Реализация промышленных ситуаций сочетается с бременем случайностей, обилием вероятностей, уводящих развитие по множеству несовпадающих векторов. Смысловые тропы между ними переплетаются, порой обнажая фрактальный каскад не пересекающихся напрямую сюжетов. Лишь входя в резонанс с этой алогичной полнотой, усилие и его результат преобразуются в бытие.

Стационарный порядок расплзается, на планете рождается и утверждается сложный динамичный строй. Прогнозирование будущего преодолевает представления о должном, имеющим основания, но не обладающим бытием. Постсовременный ландшафт – подвижный лабиринт синхронностей, симуляций и обертонов. Стремление к

деятельному разнообразию, овладению и управлению новизной со всей ее двусмысленностью, доминирует над промышленной экспансией, качественные и неизмеримые характеристики – над количественными показателями, гештальт над процедурами исчисления, репликацией и перераспределением достигнутого.

Человек расправляет крылья

Стратегическое планирование не тождественно искусству стратегии, но тесно связано с ним. Суть стратегии – определение оптимального пути для достижения цели, она подобна дорожной карте, где расчёт маршрута производится не с помощью формальных геометрических калькуляций, а в соответствии с императивом цели, актуальными обстоятельствами, техническими возможностями передвижения и продвижения.

Особый импульс искусство стратегии получило в годы II мировой войны, когда организация крупных операций, политика и логистика реализовывались с учетом сложностей и масштаба глобального контекста со множеством переменных, обнаруживая неизвестные ранее закономерности и обретая новые методы действий. В послевоенный период этот опыт развернутых в пространстве-времени боевых и тыловых операций конвертируется в знание, используемое в гражданской сфере, стимулируя разработку больших и долгосрочных проектов (т.е. продуктов стратегического планирования). Данный вид проектирования осуществлялся преимущественно на основе системного анализа, а из центров подобного рода известность получила связанная с военным ведомством корпорация РЭНД.

Характеристики системы нельзя полноценно уяснить и эффективно освоить, исследуя структуры частей, вне контекста, без учета динамики ситуации. В 70-е годы заметным явлением в сфере социального прогнозирования становятся доклады Римскому клубу. Заявленный в них подход – активное представление будущего (Эрих Янч), базировался на трех принципах, сформулированных отцом-основателем клуба Аурелио Печчеи: глобальность, долгосрочность, трансдисциплинарность (холизм). В качестве исследовательского инструментария применялась методология системной (индустриальной, мировой) динамики, разработанная Джеем Форрестером.

В конце века формируются и развиваются методы социального проектирования и прогнозирования на основе концептов матричного анализа, рефлексивного и роевого управления, синергетики и т.д. Складывается методология анализа сложных систем и проведения комплексных операций, замещающая принцип глобальности – фрактальным масштабированием, долгосрочность – нелинейной динамикой, а трансдисциплинарные обобщения – эволюционной уникальностью. В условиях неопределенности и турбулентности управление событиями реализуется посредством соответствующих аттракторов, а возникающие проблемы становятся своеобразными реперными точками – опорами для восприятия и понимания иначе организованного ландшафта. Наибольшую известность из интеллектуальных центров, занимающихся проблемой сложности и динамикой высокоадаптивных систем, получил Институт Санта Фе, основанный группой ученых преимущественно из Лос-Аламосской лаборатории.

Мир *ad hoc* предстает скорее драматичным, нежели привычным, события приобретают все более комплексный характер, человек мыслит подлинность парадоксами, подправляя результаты логикой. Многофакторные процессы опознаются и декодируются при помощи концептов самоподдерживающегося развития,

самоорганизованной критичности, динамического хаоса, иницируя «новый диалог человека с природой» (Илья Пригожин) с использованием негативной диалектики (Теодор Адорно), деконструкции бинарных суждений (Жак Деррида), фрактальной картографии (Бенуа Мандельброт), релевантности модельно-зависимого реализма (Стивен Хокинг) как более адекватного инструментария для ориентации сложного человека в сложном мире и освоения лабиринтов «невыносимой сложности бытия». Намечается существенная коррекция «режима истины» (Мишель Фуко), обретаются новая исследовательская позиция и перспектива, допускающие присутствие метафизических смыслов, художественных и мультикультурных языков в легитимном дискурсивном пространстве.

Будущее определяется пропорцией настоящего в текущем. Постсовременные операторы композиционно не объединены, но функционально срежиссированы: они кумулятивно продуцируют среду, в которой стратегические преимущества переходят к структурам и системам, способным эффективно действовать в ситуациях мобильности и неопределенности. Акторы нового века – не институты и учреждения в привычном понимании, но распределенные по планете успешно капитализированные пространства действия: средоточия коммуникационно-связных и универсально координируемых разноформатных объектов, акций, целей. Все это – многослойная перестройка универсума и перенастройка человеческой природы: познание окрыляет (*knowledge is power in itself*), а характер субъекта предопределяет регистр ситуации. Изменяются модели поведения и структуры лояльности, понимание суверенитета и базовых активов, соотношение уникального и конвенционального, вероятного и тривиального, баланс обретений и утрат, объем возможностей и сумма рисков.

Интеллектуально глобальная трансформация завораживает, однако на практике, насыщаясь культурной инверсией, нравственными и прочими несовершенствами, грозит скатыванием в «белый шум» и деструктивный хаос. Правила изменились. Императив ситуации – освоение новых территорий знания и опознание перспективных моделей управления/поведения в мобильном универсуме разрушений/реконструкций виртуальных (*de facto*) конфедераций, где контракт понятие относительное, нет цивилизационного суда и плодятся слабо-формализованные, лишь косвенно соединенные с национальными доменами персонажи. В информационном и творческом водовороте возникает множество головоломок: от определения функциональных прописей до представления генеральной модели – новых правил игры. Дело не только в экономическом или военно-промышленном состязании, отраженном в переговорном процессе национальных государств – по большому счету это конструкты уходящей эпохи.

Государство и Власть

Во времена перемен приходится вести речь об основаниях, чтобы, различая тривиальное, иное и случайное, представлять смысл исторического перекрестка, подлинную проблему и магистральное направление событий.

Сложный и динамичный характер среды, порождающей режим самоорганизованной критичности (Пер Бак) и высокоадаптивные системы, способные к самоподдерживающемуся развитию (*sustainable development*), – результат эволюции социальной и политической систем, прохождения цивилизацией определенного маршрута. Генезис современного общества был транзитом от сословного к гражданскому статусу. Иначе говоря, продвижением от моноцентричной иерархии: персонификации

источника власти в виде сюзерена-монарха или феодала, к воплощению иного, промышленного к тому времени идеала – организации нации как суверенного (самовластного) сообщества граждан. Инициировалось восстановление человека, реставрация его естественного достоинства – извлечение личности из тяглого «трудового ресурса». Реализация процесса влекла переустройство политических институтов, формируя конкурентную среду политических сдержек-противовесов и гибких общественных связей. Складывалась система «перманентного плебисцита» (Эрнест Ренан) и представительной демократии: «гражданское политическое сообщество для установления более совершенного порядка» (Мэйфлауэрское соглашение). Подданные переставали быть податными объектами и становились гражданами, определявшими формат и содержание органов управления суверенной властью нации.

Законодательная ветвь власти – *депутаты* (от лат. «посланный», «заместитель»), являлись делегатами: представителями народа, т.е. проводниками соборной воли, артикулирующими ее и принимающими от лица нации законы, устанавливая правопорядок и ранжируя действия исполнителей, определяя также объем необходимых для эффективного управления средств, способы обретения и распределение оных. Исполнительная ветвь – *министры* (от лат. *minister* – «малой», «служитель») утрачивали подчиненность прежнему полновластному суверену, став «слугами народа». Президент, если таковой наличествует в системе (как эрзац от монархии, здесь же своего рода *мажордом*, т.е. управляющий), проходит обряд *инаугурации*, то есть принесения *вассальной присяги* своему сюзерену – народу. А за соблюдением клятв и процедур наблюдает судебная система, руководствуясь основополагающими принципами – конституцией. В случае же «если какая-либо форма правительства становится губительной <...>, народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и формах организации власти, которые, как ему представляется, наилучшим образом обеспечат людям безопасность и счастье» (Декларация независимости США).

Народ как властитель обладает правом на выражение своей воли словом и действием (свобода слова, печати, манифестаций, выборов), органы же делегированной власти (служители и представители властителя-народа) подконтрольны и обязаны информировать общество, отчитываясь в своих действиях (публичность политики, прозрачность действий и документооборота, доступность информации). Попытки узурпировать власть («мятеж правителей»), то есть отлучить народ от нее тем или иным образом, являются покушением на его права сюзерена-суверена («величества»), представляя особый вид преступления – государственную измену.

Трансформация порядка вещей – производное от ферментов перемен и генетических цепочек будущего: вирулентных модификаций настоящего, отрицающих прошлое (*new values chains*). XX век был периодом обширной реконструкции человеческой вселенной: демонтаж сословных перегородок, демократизация и либерализация сопровождалась также универсальной эмансипацией и культурно-демографической экспансией постколониального мира. Кризис и деконструкция имперских структур, сначала континентальных, затем морских, сформировали на обломках многочисленное пестрое сообщество национальных государств. Происходящее сейчас – следующий акт исторической драмы.

«Смертный бог» (Томас Гоббс) умирает, знакомый мир рассыпается на суверенные молекулы и венчурные композиции. Система международных отношений

расширяет фактическую номенклатуру, преобразаясь в совокупность гибких и разнородных мировых связей. Наряду с национальной государственностью в постсовременном космосе состязаются иные форматы влиятельной политической и социальной организации: мировые регулирующие органы, страны-системы, асимметричные союзы и полимерные содружества, субсидиарные управления и сепаратистские образования, государства-корпорации и корпорации-государства, глобальные племена и социальные сети. Клань, ведомства, олигархи, амбициозные люди-предприятия (*manterprisers*) соучаствуют в динамичной диверсификации практики как автономные субъекты и аутсорсинговые агенты. Все они по-своему трансформируют национальный и профанируют гражданский суверенитет.

Определяющим моментом эволюционного продвижения является все же не эффект внешнеполитического действия, но саморазвитие конкурирующих организмов, растущий положительный баланс умений и обременений. Результативность сообществ существенно различается в зависимости от геокультуры, типа организации, избранной стратегии и антропологических преимуществ. В новой среде приходится мыслить мир в динамике, руководствоваться не фактами, а тенденциями, приучаться понимать под актуальностью не то, что здесь и сейчас, но что на полшага впереди, избегая упоения коротечным и соблазна управления прошлым.

Грядущее – исход из прежних констант, кризис актуальной неясности и столкновение с иным. Самоопределение в обстоятельствах и самопреодоление во времени обретаются в постижениях и достижениях, пренебрегая воспроизводством конъюнктурных состояний и примелькавшихся личин. Пиноккио, который в отличие от Буратино не приобрел сказочное театральное имущество, но совершил подвиг преобразования из куклы в человека, говорил: «Прошлое прошло, и лучше оставить его в покое».

Рождение нации

В России власть мыслится посредством государства, но образуя специфическую комбинацию коллективного творчества: центробежную *диффузию власти без протокола* – парадоксальную версию *gouvernementalité* (Мишель Фуко), что подтверждает значение геокультуры.

Являясь большим континентальным пространством, Россия во всех своих метаморфозах: Российской империи, СССР, РФ не смогла подвергнуть деконструкции монополию авторитарной либо олигархической потестарности, обладающей собственным понятийно-правовым аппаратом, и воплотить в политической системе совокупность принципов современного государства, даже когда пыталась их декларировать – социокультурная рецессия обращала время вспять. Ситуация усугубляется фактической пролонгацией квази-имперского статуса, отягощенного централизованным, тяготеющим к унификации управлением обширными пространствами и разнородными культурами.

В меняющихся обстоятельствах накопленные ресурсы могут подчас становиться обузой, а действие превращаться в свою противоположность. Для лоскутного Левиафана обилие разнородных территорий обернулось проблемами при очередной трансформации мира – продвижении к постсовременному укладу. Подобный организм, даже будучи отчасти модифицирован, испытывает затруднения, постигая динамичные

прописи нового эона. Историей засвидетельствованы различные пути и способы разрешения затруднительных обстоятельств, связанных с негативными аспектами пространственного развития: форсированный генезис Австрии, Турции, непростой опыт Германии, деимпериализация Испании, Португалии, Франции. Примеры же эффективного освоения будущего с удержанием политических множеств в объединяющей рамке – федерализация выстраивавшихся с «чистого листа» Соединенных Штатов или конструирование на основе исторического наследия пестрого Содружества Наций: проекты, сумевшие достичь в различных форматах сопряжение многочисленных (более 50) субъектов. Сложнее обстоят дела с идеей «Соединенных Штатов Европы» и становлением масштабной реальности Европейского Союза.

У проблемы реорганизации политического тела РФ собственная специфика. И дело не только в качествах политкласса или других активно обсуждаемых реалиях. Государство – аппаратное овеществление политических и когнитивных практик, продукт декогеренции власти, ее синтезирующая проекция и субъективация. Всевластие российского государственного аппарата, разрушающее достоинство личности, подавляющее самодеятельность общества и самоорганизацию регионов, коренится и резонирует в социальной ментальности, его определяющей: люди в своей массе не осознают себя в качестве «властного субъекта», страну же воспринимают как «управленческую конструкцию на определенной территории», а не как «суверенное политическое сообщество».

Россия в сознании россиян – это именно *государство (господарство)*, что фиксирует объектность людей, их подданство аппарату, а не гражданство, т.е. субъектность. Источник власти понимается не как совокупность граждан, выбирающих и утверждающих направление и характер действий из конкурирующих программ, но как имманентная «властная вертикаль», причем, фактически, с опрокинутым от декларированного вектором делегирования полномочий. Иначе говоря, если в современных странах *government* мыслится как подотчетные органы управления вверенной им властью (*vetus*), формируемые источником власти – народом (*stvol*), то в России они артикулируются как сама «власть». И даже претендуют в законотворческих усилиях и судебных разбирательствах на статус самостоятельной социальной группы. Другими словами, демонстрируют регресс к сословному обществу. Отсюда, кстати, вопрошающий формат «претензий к власти» (отказ от позиции самоуправления). Примерно так же обстоят дела с заявленным, но не реализованным федерализмом.

Историческая альтернатива – влиятельное суверенное общество (нация), генерируемое деятельной городской культурой: «единство непохожих» (Аристотель), осознающее себя социальной и политической корпорацией с собственным видением судьбы и ценностным канонем. Основа самодеятельного национального организма – распределенное множество структур, производящих параллельно прежним конструкциям иную реальность, соединив автономию от «провластных» форматов с осмысленной экспансией, прививая обществу навыки свободной гражданской регуляции. Цель – создание среды благоприятной для развития личности и коэволюции. Данная социальная коллизия генерирует и предъявляет миру открытое конкурентное противостояние, очерчивая этические рубежи в индивидуальных взаимоотношениях и шлифуя политическую грань в коллективных взаимодействиях. † Плацдармы

† Интересен в своих типологических аспектах опыт Подпольного Польского государства – «Делегатуры правительства на Родине», эффективно действовавшего в годы нацистской

пробуждающейся нации – сообщества индивидов, отрицающих заповеди ветхой *территории кормления* и готовых отстаивать, отстаивать, утверждать суверенитет *пространства национальной самореализации*. Гражданская позиция, культурный капитал, человеческие качества – закваска, определяющая витальность процесса и горизонт успеха. Фрагментация и разногласия социума исключают прежние стандарты идеологической унификации и конструктивизм партийности, между тем как публичные проекты синтезируют ситуационную мозаику (*salads*), образуя конъюнктурные сопряжения партнеров и симпатизантов с несовпадающими установками и целеполаганиями. В наступившем веке комплексные ассоциации, по-видимому, становятся перспективным форматом влиятельных политий.

Подобная социальная агломерация, истощаемая внешним и внутренним миграционным исходом, пребывает в России в затянувшихся родовых муках и с неопределенным прогнозом. Новодел же сословного «господарства» при отсутствии у народа интенции самоуправления и потенции самоуважения теряет нужду в имитациях и декорациях, уплотняясь в особую «дикую сословность»: синтез чиновничье-олигархического-криминального произвола, пронизывающего страну сверху донизу. Инволюция социосистемы – замещение национальной самоорганизации режимом ее подавления, ведущего к цивилизационной деградации и неорархаизации. «Мерзкая мощь» (Клайв С. Льюис) навязывает, продвигает, закрепляет посредством захваченных средств и покоренных душ свою эрзац-культурную «овеществленную и омертвленную» идентичность, стремясь «истребить или сделать себе подобными» иное и глубокое (Дмитрий Мережковский) – власть черни, обретающей возможность отринуть тяготы эволюционного восхождения, компенсировав несовершенство собственной природы и ее специфическую немощь слиянием с мощью государственной машины. Эволюция претерпевает сбой. Нравственные уроды в продуцируемой среде клонируют аморальных репликантов, карлики уничтожают и поглощают гигантов, общество же, лишенное иммунитета, травмировано, угнетено, пассивно – происходит развоплощение и ремифологизация обретенных ранее смыслов, разложение социальности.

Нация не может полноценно реализовать себя и воплощать идеалы, будучи лишена достоинства. А поскольку активы и преимущества коренятся сегодня не в масштабах территории или численности госаппарата, но в качествах личности и самодетельности общества, Россия все чаще оказывается «вне игры», закрепляясь по ряду параметров в группе проблемных стран и находя в этой же среде своих союзников.

Семантическая коррупция

Еще один дополняющий картину сюжет. Язык определяет архитектуру мышления, настраивает механизмы восприятия, параметры поведения, отражает и формирует психику, обуславливая на подсознательном уровне, что есть «правильно-неправильно», «хорошо-плохо».

Анализ российской политической лексики показывает определенный дефицит категорий, затрудняющий адекватное представление ситуаций. Скудость вокабуляра

оккупации. Черты феномена проявились впоследствии при формировании «параллельного общества» в ПНР, а также повлияли на методы движения «Солидарность». Присутствуют они и в «оранжевой», «потешной» феноменологии Вроцлава (связанной с голландским контркультурным опытом), в свою очередь стилистически повлиявшей на «оранжевую революцию» в Украине.

предполагает профессиональные деформации, скованность политологического дискурса – своеобразную семантическую немоту. Так для обозначения суверенного сообщества в русском языке используются термины: *государство/держава* (о чем шла речь выше) и *страна*, практическими (неполными) аналогами которых являются *kingdom/government* и *country*. Но фактически невозможен корректный перевод таких основополагающих современных категорий, как *state* или *nation*. Первое превратилось в невнятные «штаты» либо заместилось «государством», а второе слипается с этносом, создавая смысловые ребусы и практические коллизии. Само понятие «национальное государство» оказывается едва ли применимо в России, житейское подтверждение чему – ответы россиян на вопрос о национальности (в бланках при пересечении некоторых границ), которые порой ставят пограничников в тупик.

Дело в том, что *state, état* – обозначает суверенное политическое образование как совокупность индивидов политики, имея исток в таких реалиях, как, например, «третье сословие» (*tiers état*), «Генеральные штаты» (*États Généraux*) – отсюда «Соединенные Штаты» (*United States*, точнее от нидерландского *Staten-Generaal*). Или как более внятное нам – «штат сотрудников». А капитализируется оно в том самом, невнятном для россиян понятии «нация» – *nation* (отсюда не Организация Объединенных Государств, а Организация Объединенных Наций), возвращая к понятию *res publica* как «общее дело, состояние, содружество» (*commonwealth, ting, вече*). Свободная гражданская ассоциация и культурная консолидация замещают принудительное подданство аппарату. Иначе говоря, родина – не земля, а семья, суверенная страна – не система управления, режим или территория, а нация, со-организованный народ, люди.

Спутанность политологических категорий, уплощенная стилистика дискурса, привычка мыслить прошлым, сужать диапазон альтернатив, упрощать смысловое и сжимать правовое поле не только отражают состояние российской социальной ментальности, ее *stumbling-block* и ограниченный, «технический» модус социогуманитарных дисциплин, но также определяют второсортность управленческого инструментария, ущербность рабочей карты, стратегическую пустоту обесточенного, лишённого сложной рефлексии и панорамы политического пространства. Процесс перемен между тем ускоряется, глубина переворота, значение нематериальных активов, разнообразия и отлаженности общественных связей, роль людей, причастных высокому образованию и морали, возрастают. Как следствие – сильнее проявляется социокультурная гравитация одних ареалов и токсичность других, формируя миграционные потоки и преобразуя картографию человеческой вселенной.

Мир изменился. В нем складываются гибкие антропологические кластеры и создаются непростые социальные конструкции, понимание характера и перспектив которых – предмет углубленного анализа, рафинированного диагноза, беспристрастного прогноза. Усложнение структуры объектов и разнообразие субъектов сопряжено с императивом адекватного ритмам жизни режима управления: акценты смещаются с централизованного контроля на высокоадаптивную самоорганизацию – поезд истории отходит от промежуточного вокзала. Речь, фактически, идет о постсовременном барьере, преодоление которого невозможно для ригидных, упрощенных и синкретичных структур, генерирующих эсхатологизм. Как результат, неизбежно – рано или поздно начинающаяся в их недрах авральная перестройка рискует обернуться политической какофонией и завершиться катастрофой.

29th Economic Forum

Krynica Zdrój, Poland, 3-5 September

The Economic Forum in Krynica is the largest conference in Central and Eastern Europe. Every year the Forum, which is organized at the beginning of September, brings together more than 4,500 international guests. These include political, economic and social leaders as well as approx. 600 journalists. The guests usually come from over 60 different countries of Europe, Asia, Africa and America. The Forum's mission is to create a favorable climate for the development of political and economic cooperation between the EU member states and their neighbors.

Organizational outline:

- 6 Plenary Sessions
- More than 200 panel discussions and lectures by formidable personalities from the public sphere
- Workshops and round-table discussions
- National and regional presentations

Panel: “Will the World Order Turn into Global Chaos?”

Moderator:

Alexander Neklessa, Head of the Laboratory “North-South”, Center of Civilizational & Regional Studies, Institute for African studies, RAS, Russia

Speakers:

Jean-Christophe Bas, CEO and Executive Board Chairman, Dialogue of Civilizations (DOC) Research Institute, France

David Earnshaw, Associate Vice President, European Public Policy, MSD, Belgium

Dirk Niebel, Minister (2009–2013) for Economic Cooperation and Development, Germany

Marija Risteska, Founder and Executive Director, Center for Research and Policy Making, North Macedonia

Karel Schwarzenberg, Vice Chairman of the Foreign Affairs Committee, Chamber of Deputies of the Parliament of the Czech Republic

PERSONALIA

Александр Иванович Неклесса (Alexander Neklessa). Руководитель экспертно-образовательно-медийного объединения «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия». Председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме Российской Академии наук (РАН). Руководитель Группы «Север-Юг» (ака Лаборатория «Север-Юг») Центра цивилизационных и региональных исследований ИАФР РАН (Отделение глобальных проблем и международных отношений РАН).

Действительный член российских отделений Всемирной федерации исследований будущего (WFSF) и Международной лиги стратегического управления, оценки и учета (ILSMAA), а также Философско-экономического ученого собрания МГУ им. М.В. Ломоносова. Член Международного редакционного совета (от России) журнала «Philosophical alternatives» («Философские альтернативы») Болгарской академии наук, Экспертного совета журнала «Экономические стратегии» (ИНЭС РАН, Россия). Руководитель семинара «Нексус» (ИНТЕЛПРОС – Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации РАН). Член Совета Школы эффективных коммуникаций «Репное».

Ранее возглавлял Синергетическую лабораторию НПО «СИНЛА» (АЦМИ), работал главным специалистом МВЭС РФ, управляющим Службы стратегического анализа МАПО «МИГ», экспертом-консультантом Директората стратегического планирования ВПК МАПО, заместителем генерального директора Института экономических стратегий при Отделении общественных наук РАН, научным руководителем Департамента стратегического развития ОАО «ГАО ВВЦ». Являлся членом Комитета по стратегическому развитию при Совете директоров ОАО «ГАО ВВЦ» и аналитической группы Совета обороны РФ.

Руководил Московским интеллектуальным клубом «Красная площадь», теоретическим семинаром «Глобальное сообщество» (Научный Совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН), междисциплинарным семинаром «ΣΥΝΕΡΓΙΑ» (Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при ООН РАН).

Вел авторскую аналитическую программу «Будущее» / FINAM FM (диплом Международной академии исследования будущего, 2009; лауреат Всероссийской премии в области общественно-политической проблематики «Власть №4» / номинация «Лучший текст о будущем», 2011).

Автор примерно 700 публикаций по вопросам международных отношений, политологии, экономики, истории. Научный руководитель/автор проектов СИНЛА / Глобальная трансформация (1984-1989), КАСКАД (1987), ЭКОЛАР (1988), ГЕОКОН (1991-1996), ГЛОБАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО (1997-2003), СОФИЯ (2003-2012), КАМЕЛОТ (2004), КП (2005-2006), СИНЕРГИЯ (2007-2010), ВВЦ-2 / Парк Россия (2009-2010), ФЕНИКС-К (2010), БОЛЬШАЯ ВОЛХОНКА (2011), РУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ (2010-2012), ЛИК / Пайдейя (2010-2014), ГИБРИДНЫЙ МИР (2015), СОЗИДАНИЕ БУДУЩЕГО (2016-2017), БОРЬБА ЗА БУДУЩЕЕ (2018-2020), ИНТЕЛПРОС (2003 – по настоящее время).

Основные направления исследований: международные системы управления и тенденции глобального развития (геоэкономика-геокультура-геоантропология); методология анализа, прогноза и управления в ситуациях неопределенности; философия истории.